

Наспинное украшение асык, XIX век. Два серебряных сердца между кос — отличительный знак невесты

РАЗГОВОР У СУНДУКА С СЕРЕБРОМ

Перед вами не аналитический обзор и не проблемная статья, а просто личные впечатления двух людей, имевших возможность познакомиться на месте с уникальным явлением культуры — туркменским ювелирным искусством.

ВОСКРЕСНЫЙ БАЗАР

На воскресном ашхабадском базаре можно купить все, чтобы поддержать благополучное существование на долгий срок. В частности: халат и пшеничную лепешку, сундук для приданого и раскрашенную люльку, тельпек на голову и джорабы на ноги, дыню и ковер, на котором эту дыню можно съесть, Свечи для «жигулей» и баранью шкуру на сиденье, барана как такового, тени для век, лопату, магнитофон, чайник и жевательную резинку.

Среди прочего — честное слово — авторы видели, как с базара уносили разрозненные тома Белинского и Гоголя.

Потолкавшись любопытства ради у ковровых, скорняжных и скобяных рядов, направимся в дальний угол базара — туда, где торгуют украшениями. Не гипсовыми кошками (есть еще), не серийными медальонами с головой Нефертити (есть уже), а украшениями, достойными так называться.

Ювелирный ряд невелик: двадцать, может быть, тридцать женщин, большей частью немолодых, сидят бок о бок — кто на подушке, кто на вытертом коврике, а то и просто на куске клеенки. Перед каждой на чистой тряпице разложены металлические предметы разной величины и неявного назначения: тяжеленные на вид пластины с оранжевыми, желтыми и красными сердоликами; небольшие вещицы, напоминающие то цветок, то лягушку, то жука, иногда также с сердоликами, но, бывает, и просто с яркими стекляшками; подвески, бубенчики,

сердечки, цепи и цепочки; потертые монеты с арабскими и персидскими письменами. Впрочем, попадаются и очевидные вещи, скажем, траченные временем массивные браслеты или серьги. А есть и обломки, которые, кажется, не спасет никакая реставрация.

Торговлю бойкой не назовешь. Продавцы особого рвения не проявляют, переговариваются между собой, разглядывают публику; похоже, что больше выручки их волнует сам процесс пребывания на базаре, в этаком воскресном клубе. А вдоль ряда прохаживаются любопытные, несколько заезжих модниц пытаются найти за умеренную цену незаурядную вещицу, коллекционеры прощупывают монеты, надеясь выудить нумизматический раритет. Все это больше походит на выставку или, пожалуй, на выставку-продажу, поскольку сделки все же иногда совершаются.

Однако не сделки интересуют нас, а их предмет. Он, как правило, серебряный. Не проба, а скупой блеск потускневшего металла выдает его благородное происхождение. И сохранившиеся кое-где остатки позолоты, и законченность формы, и чистый звон подвесок и бубенчиков... Не надо быть специалистом, чтобы понять: это настоящее, не подделка. И это — прошлое, не сегодняшнее.

Пожилые женщины в ювелирном ряду говорят: когда мы были молодыми, это еще носили...

ЧТО ХРАНИТСЯ В СУНДУКЕ

Клычмурад Атаев, художник-ювелир, народный мастер Туркменистана, участник и лауреат многих выставок, открывает сундук и медленно, предмет за предметом, вынимает сокровища, раскладывает их на ковре, называя каждую вещь и поясняя ее прикладной смысл.

Вот дагданы — нагрудные женские украшения, разных размеров, с сердоликами и смальтой, с позолотой. Одни — и это бросается в глаза— напоминают очертаниями лягушку. Другие не вызывают у городских жителей столь отчетливых ассоциаций, и хозяин подсказывает: пустынный жук-скарабей, а подвески на длинных цепочках — след скарабея на песке. Хотя есть и другая версия: не жук, а стилизованное изображение двуглавого орла, который много веков назад был гербом империи сельджуков — ее центр находился здесь, в Закаспии.

Мы готовы принять обе версии; но проверить вторую у нас возможности нет, а что касается жуков... Два дня спустя в сопровождении другого ашхабадского мастера-ювелира Ата Гурбангулиева едем из Ашхабада на север, в пустыню, выбираем достаточно высокий и вполне пустынный бархан, расстилаем кошму, пьем, понятное дело, зеленый чай (из термоса) — и видим десятки черных симпатичных жучков, прибывших на возможное угощение. Скарабеи растаскивают крошки, ныряют в песок, как в воду, ползут по своим делам, оставляя следы, на которые так похожи подвески на дагдане...

За дагданами следует гоза — вытянутая серебряная стрелка с одним-единственным бирюзовым глазком. Он, по старому поверью, охранял владельца украшения от коварного человека, вздумавшего подсыпать в питье яд: считалось, что от ядовитого зелья бирюза непременно изменит свой цвет. Опять же — как проверишь? Может быть, и вправду у тамошних злоумышленников были яды, вступавшие в реакции с фосфатами меди и алюминия, которые и образуют минерал бирюзу.

После скромной гозы — большая, словно щит, гюльяка, тоже нагрудное украшение. Круглое, резное, с десятками камней — солнце, да и только. Конечно, соглашается Атаев, это вне сомнений образ солнца. А вот про асык, украшение для спины (асык носили между кос) так определенно не скажешь: не то сердце, не то наконечник копья. Совсем маленькие, не больше наручных часов, и массивные, от лопатки до лопатки. Тянется по краям узор зигзагом, называется — след змеи. Вот одинарный асык, а вот — с двумя сердцами: разумеется, для невесты.

Браслет-белезик, в один ряд, в три, в пять — выше локтя! Серьги — ни одно ухо не выдержит (оказывается, височные подвески). Амулетницы — тумор, украшения на лоб, на голову, на плечи, на живот, текинские, иомудские, ахалтекинские, солорские — более чем двадцати народностей Туркменистана. Одна за другой эти вещи, отреставрированные и ждущие своего часа, падали на ковер, а Клычмурад выбрасывал из сундука очередные сокровища. Увлекшись, он стал примерять их, прикладывая то ко лбу, то к поясу, однако большинство украшений все же для женщин, и единственная среди нас гостья, художница из Москвы, взяла на себя труд помочь хозяину. Надела браслеты (не из самых высоких, чтобы рука сгибалась), приладила массивный головной убор — манлайлык, прицепила к нему височные подвески, облачилась в серебряную кольчугу чапраз-чанга и, согнувшись под бременем красоты, отправилась к зеркалу.

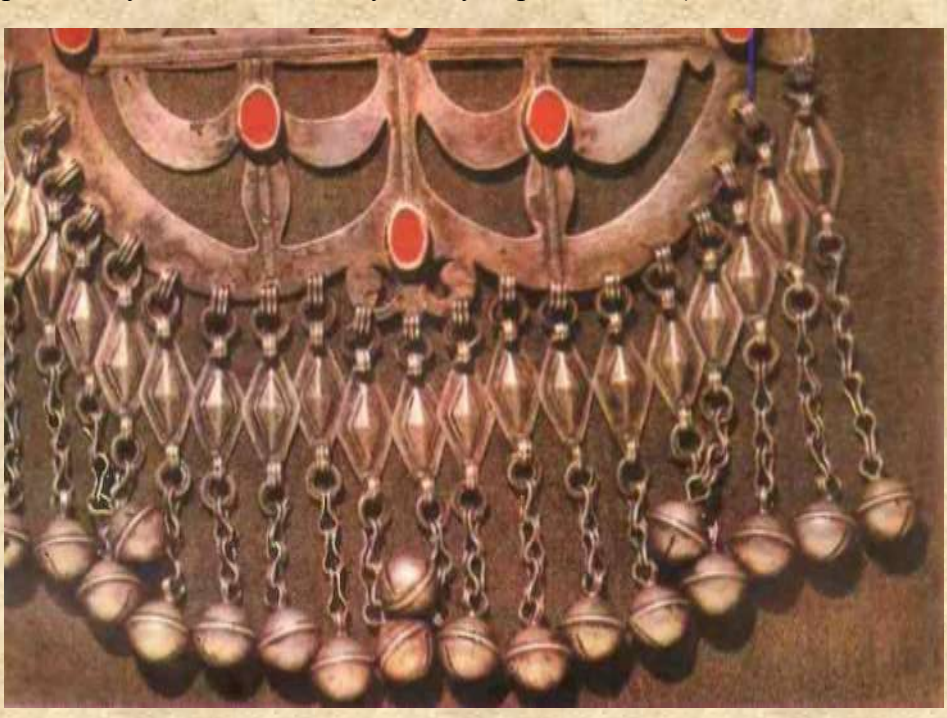
— Это не все,— сказал Атаев.— Полный комплект национальных женских украшений весит двадцать шесть килограмм. В среднем. Каждый день не наденешь, но уж на праздник...

СПЕЦОДЕЖДА АМАЗОНКИ

Облачив гостью в драгоценные латы, Атаев откровенно любовался содеянным. А мы недоумевали.

В народном костюме не бывает случайного. Его формируют вполне объективные обстоятельства — природные, исторические, экономические. Можно понять, отчего в пустынном краю, не балующем разнообразием красок, люди тяготеют к яркому; отсюда и расшитый халат, и сочный туркменский ковер. Понятно, почему в костюме много шерстяных вещей —это земля скотоводов, и огромная баранья шапка служит своеобразным термостатом. А тягу к украшениям и объяснять не надо — тут женщины выступают единым строем, независимо от географической зоны...

(Справедливости ради заметим, что туркмен украшал не только жену и дочь, но еще — коня и сына. Те же серебро и сердолики, но сбруя украшена ими обильно, а костюм мальчика — весьма умеренно: ок-яй, лук со стрелами, чтобы вырос настоящим мужчиной, да бубенцы, чтобы не потерялся в пустыне, чтобы не умыкнули разбойники.)

Украшение для мальчика — ок-яй. Лук со стрелами — чтобы вырос мужчиной, бубенцы — чтобы не потерялся…

В общем, все понятно, кроме одного: зачем навешивать на женщину — на любимую женщину — серебряные вериги в полтора пуда? Даже если не каждый день... Этим соображением мы поделились с Атаевым и Гурбангулиевым и получили удовлетворительный ответ. Вкратце: античные историки сходились на том, что легендарные амазонки, женщины-воительницы, жили к востоку от Каспия; во всяком случае, в этих краях всадницы воевали наравне с мужчинами. Туркменские предания сохранили имя Баджибай — женщины-командира, предводительницы войска. А боевое облачение трансформировалось со временем в набор украшений, символически передающий тот древний воинский дух.

Мы перевели глаза на женщину у зеркала и безоговорочно поверили в эту версию, которую, честно говоря, разделяют отнюдь не все историки и этнографы. Перед нами была спецодежда воительницы: грудь защищена кольчугой и массивным блюдцем гюльяки, на спине — щит асыка, семирядные браслеты, словно налокотники, защищают руки от удара меча, и на голове, поверх тюбетейки — миниатюрная серебряная шапочка тахья, точь-в-точь уменьшенный в размере островерхий шлем. Право слово, это доспехи.

Нигде, ни у одного другого народа нет такого набора украшений. Кто знает, может, были все-таки амазонки, говорившие, согласно Геродоту, следующее: «Мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; к женской работе мы не привыкли». А жили эти непривычные к женской работе женщины скорее всего здесь. Но потом смешались с другими племенами, занялись мирными делами — и привыкли. И вещи, которые были некогда нужны для боя, превратились в стилизованные украшения, разные, но выполненные в едином каноне.

*(**Примечание:** на сегодняшний день эта гипотеза считается вполне доказанной. Усилиями современной криминалистики установлено, что раскопы некоторых курганов, ранее из-за наличия оружия считавшиеся могилами воинов, на самом деле содержали останки женщин-воительниц. В некоторых даже обнаружены древние косметические средства. Полагают, что у древних кочевых народов обучение женщин воинскому делу было обычной практикой. Женщины охраняли кочевья, детей и скот от набегов других кочевников при отсутствии мужчин племени, которые в этот момент грабили другие кочевья.)*

Такое бы превращение — да со всем нынешним воинским снаряжением...

Можно с восторгом обозревать спецодежду амазонки в целом (если представится случай), можно детально изучать орнаменты, отыскивая в них символы и тотемные знаки, вроде тех же скарабеев, а также оленей, волков, баранов, змей и прочего; но мы оставим это для более тонких знатоков. А читателям, которых мнение знатоков интересует, посоветуем книжку В. С. Залетаева «Древние и новые дороги Туркмении», совсем недавно, в прошлом году, выпущенную издательством «Искусство».

И по отсчету от амазонок, и по другим, более достоверным оценкам, ювелирной туркменской традиции не менее двух тысяч лет. А если так, то в коллекции непременно должны быть вещи, сделанные хотя бы несколько столетий назад. Ковры XIII века сохранились, это подтверждает радиоуглеродная датировка; а ковер — штука более тленная, нежели металлический браслет с каменьями.

Увы, нет в коллекции Атаева таких старых вещей. Самые почтенные из сработанных туркменскими ювелирами украшений датированы прошлым веком — в том случае, если датированы вообще. Но не рассыпалось же серебро в прах...

Не рассыпалось. Оно переплавилось.

Пусть, к примеру, в семье три девочки — рядовой случай. Они получают от матери украшения. Как сделать из одного костюма три? Только так: шли к ювелиру, несли старые вещи, лом, редко

— новое серебро. Ювелир все это переплавлял и по канону, по старым образцам создавал новые вещи. Ковер так не переделаешь.

Атаев говорит: «Серебро, с которым я работаю, прошло столько переплавок, и каждая хоть немного загрязняла его примесями, так что теперь это сплав, который размягчается уже при пятистах градусах. Жалко, что старинные подлинники навсегда для нас потеряны. Но в многократных переделках сохранилось древнее искусство. Может быть, и мои вещи будут переплавлены — что ж...»

К. Атаев. Ожерелье «Поврузе», 1972 г.

МАСТЕРСКАЯ

Место, где Клычмурад Атаев создает произведения искусства для музеев и международных выставок, а также мастерит украшения малыми сериями для Художественного фонда республики и его салонов, выглядит так: саманный домик на одну комнату, стоящий особняком во дворе, а в комнате — железная печка, вытертый ковер, да столик с кое-каким инструментом и бензиновой горелкой. Пожалуй, эта горелка — единственное современное звено в древней технологии; раньше паяли в горне.

На форму мастер кладет серебряный листок, накрывает его свинцовой пластиной; резкий удар молотка — и пластичный свинец, растекаясь под ударом, вдавливает серебро в углубление. На листке выдавлена подвеска-шельпе, одна из десятков, а го и сотен подвесок, которыми так богат традиционный комплект украшений. Между прочим, и шельпе, полагают, тоже зооморфного происхождения: вытянутая висюлька похожа на рачка, которого можно встретить на пустынных такырах (*от тюркск. — гладкий, ровный, голый — форма рельефа, образуемая при высыхании засоленных почв в пустынях и полупустынях*).

Что еще можно посмотреть в мастерской народного мастера? Как гравируют орнамент, как готовят скромную скань из серебряной проволочки, непышный и почти плоский узор; как обтачивают и ставят на место сердолики и спаивают серебряные элементы воедино. Никаких деликатных секретов нет — и не было. Туркменские ювелиры не используют ни финифть, ни травление, ни глубокую гравировку, рельеф украшений сродни скромному пустынному ландшафту, величественному и благородному.

Фрагмент туркменского ковра и сумочка с накладным серебром работы А. Гурбангулиева (1972 г.). Сравните орнаменты: заимствования мет, но влияние очевидно.

Паяют серебро самодельным же серебряным припоем; фабричный не годится. Коль скоро серебро, с которым имеет дело мастер, плавится при 500° С, оно расплавится раньше, чем размягчится стандартный припой. Прост и тривиален флюс: поташ, бура, поваренная соль. Правда, старые мастера чистого поташа не знали, брали золу саксаула, но это несущественно. И золотят украшение, если требуется, испытанным способом — амальгамным. Словом, техника не изощренная, но суть не в ней. В конце концов научить и более сложной технике недолго, но это не значит еще овладеть искусством. А туркменское ювелирное искусство пришлось возрождать, ради этого, собственно, и начал Атаев собирать свою редкостную коллекцию.

В многовековой цепи народной традиции образовался разрыв, не такой уж большой в масштабах истории, несколько десятков лет. В борьбе с пережитками феодального прошлого

чуть было не отнесли к таковым и национальные украшения. Костюм, особенно женский, сохранился, но даже сегодня многие туркменские женщины готовы дополнить свое одеяние штампованными поделками из латуни и стекла, а старые украшении хранят дома или выносят на воскресный базар.

Более пятнадцати лет назад молодой живописец Клычмурад Атаев занял должность инспектора по народным промыслам. Он обратился к мастерам: сделаем современное украшение в духе народной традиции. Одним из первых откликнулся немолодой и вполне уважаемый ювелир — он принес брошь в виде двух целующихся голубков со стеклянными глазами...

Учиться пришлось с азов, но, к счастью, сохранились по домам, особенно в далеких аулах, истинные образцы ювелирного промысла. Конечно, никому не нужен сейчас неподъемный костюм амазонки — не наденет его нынешняя женщина, да и накладно по современным меркам. И слепо копировать те или иные фрагменты тоже не годится; в газетных киосках и разных ларьках пылятся скучнейшие, хотя и подробные копии старинных гоза, сделанные из слишком яркого, прямо-таки трескучего анодированного алюминия.

А что же надо? Трудно сказать однозначно, да к тому же мы непременно вторгнемся в тонкую область, где рискуем быть побитыми. Во всяком случае, нынешние и старые украшения несут на себе печать безусловного сходства: они восходят к одному источнику.

ПОЧЕМУ ХИМИЧАТ ЮВЕЛИРЫ

Есть такой режущий ухо глагол, из просторечных неологизмов — «химичить». Атаев употребил его по отношению к себе и своим коллегам, вовсе не имея в виду темы, близкие корреспондентам ««Химии и жизни». Так он обозначил процесс, с помощью которого ювелиры раздобывают насущно необходимое для своей работы.

Пример: никто не выпускает для ювелиров инструмента и оборудования. Выручает хотя бы отчасти медицинская промышленность. Правдами и неправдами раздобывает мастер хирургические скальпели и пинцеты, приспосабливает для пайки стоматологические горелки. А материалы?

Что и говорить, серебро — не из самых доступных металлов, электротехника, радиоэлектроника, фотохимия без него обойтись не могут. Кое-что получают и ювелирные фабрики. А вот ювелир высочайшей квалификации, член Союза художников, народный мастер работает большей частью с мельхиором. В общем-то, недурной материал, работы Атаева, Гурбангулиееа и их коллег, сделанные из мельхиора, совсем неплохи и раскупаются в магазинах очень быстро. Но все же — пусть синтетический ковер и недорог, и приятен на вид, можно ли ставить его в один ряд с ручной работы туркменским ковром, сотканным, конечно же, из чистой шерсти?

Авторы и в мыслях не держат призывать планирующие органы давать художникам сплошь серебро для всех работ. Но хотя бы для уникальных, для тех, что пойдут на выставки и в музеи,— надо бы.

При нас Атаев заканчивал заказную работу—в национальном стиле, многозвенный, с тонким орнаментом женский пояс для международной выставки в чехословацком городе Яблонец. Материалы — какие положено: серебро, сердолик, позолота. Такой пояс стоит того, чтобы потратить на него серебро и самую малость золота. Но откуда они?

Серебро — с ашхабадского базара, из лома, который продают в ювелирном ряду. Сердолики — оттуда же, из переплавленных украшений. А золото — из купленного в магазине обручального кольца.

Ох, неправильно это — заставлять мастеров химичить.

Одна из серий киноэпопеи «Великая Отечественная» была посвящена подвигу тыла, людям, отдавшим все для Победы — свои силы, свои знания, свои сбережения. На экране — горы колец, серег, браслетов, дедовских золотых и серебряных часов. И среди многих воистину драгоценных даров — туркменские украшения: белезик, дагдан, асык, гоза... Восемь тонн старинного серебра. Благородная и осмысленная жертва.

И потому вдвойне обидно, что часть народного богатства теряется бессмысленно, гибнет, уходит с базара на переплав. Новое можно придумать и сделать; старого уже не вернешь, его можно только сохранить.

Так пусть будет и то и другое. Ювелирное дело — одно из древнейших, и оно, надо полагать, вечно. Старейший народный мастер, учитель многих нынешних художников-ювелиров, покойный ныне Кулага Бабаниязов сказал об этом коротко и точно: «Ювелирному искусству не грозит забвение. Пока на свете есть хотя бы одна женщина, будет нужен и ювелир».

М. КРИВИЧ, О. ОЛЬГИН, специальные корреспонденты «Химии и жизни»

Опубликовано в №9 за 1980 г.